

ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО

НОВАЯ РУБРИКА «ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО» (СМ. «ЛГ», № 13 С. Г. — СТАТЬИ УЧЕНОГО С. МЕНЕИ И ПИСАТЕЛЯ А. КУРЧАТКИНА И «ЛГ», № 18 С. Г. — БЕСЕДА С Ч. АМИРЭДЖИБИ) ВЫЗВАЛА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ ОТКЛИК ЧИТАТЕЛЕЙ. ВО МНОГИХ ПИСЬМАХ ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ, ЧТО РАЗГОВОР О ДУХОВНОМ ВОЗВЫШЕНИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА, ОБ ОСОЗНАНИИ КАЖДЫМ ИЗ НАС МЕРЫ СВОЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЛА СТРАНЫ ИМЕЕТ ОСОБУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ.

В СЕГОДНЯШНЕМ ВЫПУСКЕ ДРАМАТУРГ ДИАС ВАЛЕЕВ И ДРУГИЕ АВТОРЫ ПРОДОЛЖАЮТ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ О ПОДЛИННЫХ И ИЛЛЮЗОРНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ, О ФОРМИРОВАНИИ РАЗУМНЫХ ЗАПРОСОВ И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ. ОТ ТОГО, НАСКОЛЬКО БОГАТЫМ, ГАРМОНИЧНЫМ БУДЕТ ДУХОВНЫЙ МИР СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, И ЗАВИСИТ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ СОЗДАНИЕ И УПРОЧЕНИЕ ТОГО «ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ» НАШЕГО ОБЩЕСТВА, О КОТОРОМ ГОВОРЯТСЯ В СТАТЬЕ Ю. В. АНДРОПОВА В ЖУРНАЛЕ «КОММУНИСТ». ЭТО «НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ», КАК СКАЗАНО В СТАТЬЕ, «ОТНЮДЬ НЕ СВОДИТСЯ К МАТЕРИАЛЬНОМУ КОМФОРТУ, А ВБИРАЕТ В СЕБЯ ВСЕ СПЕКТР ПОЛНОКРОВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ».

К ОНЕЧНО же, стоит всем нам подумывать о духовной пище современного человека, о ее «производстве» и «потреблении». Духовная сторона нашего бытия, и в частности духовная деятельность, не менее важна, чем все остальное.

Но в позиции многих участников разговор о духовном мире современника настораживает узкий взгляд на проблему, попытка решать ее только частным образом. «Теоретическую» базу под этот взгляд подвел доктор геолого-минералогических наук С. Мейен. Не кормите меня, пожалуйста, ничем «духовным», заявляет он, сам разберусь. Писатель А. Курчаткин, чуть пожурив С. Мейена, приходит к выводу: «Для того, чтобы человек жил настоящей духовной жизнью, ему нужны условия для нее». Получается, эти условия кто-то должен дать человеку. Дать — и все? Сама мысль о том, что духовная пища должна «производиться» трудом души каждого человека, ускользает из этого важного разговора.

Рассуждая об уходе людей в ту или иную «хоббистскую», мы говорим не столько о духовном мире современного человека, сколько о каких-то мирах, в которых кто-то пока еще находит пристанище для своего духа. Но гораздо важнее и интереснее задуматься не о возведении каких-то частных духовных крепостей, а о строительстве общего духовного мира человека в целом.

Именно в нашей стране, совершившей грандиозную революцию, которая стала прежде всего глобальной революцией человеческого духа, было начато — причем в массовых масштабах — великое и труднейшее дело формирования гармонической личности. Процесс этот чрезвычайно сложный. Могут ли несовершенные люди построить совершенное общество? Очевидно, да — могут, но при одном условии: если будут при этом совершенствоваться сами.

Все это так, может сказать читатель, великий отказ от собственности и эгоизма, развитие и проявление всех человеческих способностей — прекрасная цель, к которой наше общество стремится. Но как это порой выглядит на практике... Мысль и мечта могут витать над землей как угодно высоко, но дайте мне бескорыстного человека вживе!

ЧТО Ж. АРГУМЕНТ серьезный. Его не обойти. Конкретная жизнь, в том числе бытовая, — проверка всего. Но сначала о другом. Об одной малоизвестной трагикомедии «Пророк из казанского Заречья», написанной лет десять назад. Точнее, не о трагикомедии, конечно, а о ее главном герое, некоем Магфуре, согласно авторской ремарке, «счастливце, человеке по призванию». Этот самый Магфур, рабочий, разбивает на огромном пустыре возле дома, в котором живет, сад. Сажает яблони, вишни, цветы и пр. Даже дети смеются над Магфуром: «Плешивый! Почем волосы?» Двое пьяниц пытаются избить его да при этом еще сдаться в милицию. Соседка по дому пишет на Магфура жалобы в Москву. Ей мерещится, что сад, который он заложил на пустыре, — это проявление частнособственнических инстинктов. Наконец, трое парней — им был вынужден подчиниться и сын Магфура — вырывают с корнями саженцы яблонь.

А что же Магфур? А он опять сажает яблони. Его философия проста: «Сад на пустыре поднимется, и будут сидеть в саду счастливые люди». На бывшем пустыре по ошибке роют траншею для канализации — сад уничтожают: снова, Магфур закладывает его в третий раз.

Остановлюсь: сюжет ясен, и фигура главного героя ясна. Рискуя показаться нескромным, признаюсь: эта пьеса была написана мной. Ничего подобного я не наблюдал, а сюжет выдумал.

Есть в пьесе и еще один герой, правда, появляющийся эпизодически, — неизвестный. Последний был весьма странным и донельзя ничтожным лицом. Он появлялся в саду Магфура в финале пьесы. «Копать будем здесь, здесь будет большая яма!» — «Какая яма?» — «Яма для ямы. С дырой». — «С какой еще дырой?» — «Туда». — «Куда... туда?»

Я бы не стал приводить все эти обстоятельства частного порядка, если бы они не выводили нас прямо к стержню нашего разговора. Ведь в разговоре о духовном мире современника явным слышится стремление найти в сегодняшней действительности бескорыстного человека, обнимающего весь мир своим чувством. Можно ли поверить саму идею такого человека реальностями конкретной жизни?

П РОШЛО много лет, как я написал пьесу, и однажды в воскресенье моя жена, вернувшись с рынка, вдруг заявила: «Хватит сидеть и читать! Иди лучше посмотри на своего Магфура!» «На какого Магфура?» — «Как на какого? На своего пророка! Десять минут от дома. Два девятиэтажных здания на Ибрагимова знаешь? Недалеко. Там еще парикмахерская. А внутри квартала — панельная пятиэтажка. Увидишь!» Недоуменно глядя на нее, недовольный, я поднялся: «Что за ерунда?»

Подойдя к дому, о котором говорила жена, я сразу же понял, что она имела в виду. Вокруг был песок, валялись разбитые плиты, земля была в буграх и ямах, а здесь, у дома, был сад — поднимались с земли хлыстики яблонь, тут и там торпачились кусты вишни, черемухи. Тро-

того чтобы публично продемонстрировать свой труд, свою душу людям, нужно мужество.

На следующее утро меня снова потянуло к дому, где жил этот неизвестный мне человек. В саду никого не было. Прийти еще раз? На лавочке у подъезда сидели две пожилые женщины и старик, видимо, дворник, в старой вельветовой куртке, с метлой в узловатых, привыкших к грубой работе руках.

«Сад здесь у вас такой... Кто его сажал?» — обратился я к ним. «А почему это вас интересует?» — подняла голову одна из женщин, татарка. «Вы-то сами из кого будете? — протянула другая женщина с вятским говором. — Портфельчик у вас заглязился. Из милиции вы или из райисполкома?» — «Я так. Прохожий. Почему вы подумали, что я из райисполкома?»

Диас ВАЛЕЕВ

ЗАМЕТКИ

ПИСАТЕЛЯ

ВСТРЕЧА С ДВОЙНИКОМ

Сбывшаяся мечта об идеальном герое

Пинка — чистый желтый песок среди буйной гравы — вела к скамейкам. Стояла и небольшая беседка от дождя, там на столике лежала груда журналов и газет. Две девочки играли неподалеку от беседки в большой, пестро раскрашенной песочнице. Во всем ощущалась забота чьих-то добрых и непритязательных рук, печать какой-то «домашности».

Я распахнул калитку, прошел к одной из скамеек, закурил. Помню, вдруг какая-то глупая улыбка поползла у меня по лицу. Я никак не мог остановить ее. Лицо будто улыбалось само собой, помимо моей воли. «Добрый день, люди! Будьте счастливы! Сегодня 6 сентября 1981 года». Это было что-то вроде календаря. Число и название месяца менялось, остальной же текст был старательно написан на фанере краской.

Все это было и похоже, и не похоже на сад Магфура, который он заложил на огромном пустыре и который я так отчетливо «видел», когда писал трагикомедию. Но атмосфера чего-то трагикомического витала в воздухе и этого сада.

Двое парней — они остановились за оградой уже давно — оживленно гоголяли. Разговор — с прищелтываниями, с округлениями глаз — шел у них о каких-то штанах, о коже, которую можно достать. Слова лились, неудержимо низвергались.

«Ребята, а кто все это сделал?» — «Они были поглощены переживаниями минуты. Тот, что постарше, удовлетворенно улыбался — ему, судя по всему, удалось какое-то выгодное дельце. Судьба выкинула ему счастливую карту. Мне пришлось повторить вопрос. Наконец меня услышали.

«Ну, и чего надо? Чего тебе надо-то?» — из кармана плаща молодого торчала бутылка водки. «Я спрашиваю, кто посадил этот сад?» — «А-а, здесь, что ли? Мало ли малахольных!» — «Он живет в этом доме?» — «А зачем тебе?» — «Посмотреть». «Нашел на кого смотреть!» — молодой захохотал. «Цветы, гад, посадил». — «Вдруг с неприязнью протянул тот, что постарше. «Вчера иду с пузырем мимо, — не обращая уже на меня внимания, продолжал он, — вижу — копаются. Давай, говорю, спрыснем, осявим садик». «А он?» — заинтересовался молодой. «Аллергия», — говорит, — у меня к водке. Есть, — говорит, — такое научное слово — «аллергия». Желтый дом по нему плачет».

Я уже не слушал, смотрел на окна, на балконы. Мелькнула мысль позвонить в любую квартиру, узнать. Откроешь дверь... Но лучше бы сначала посмотреть на него издали — понять и угадать его по жестам, по походке... Мое воображение уже рисовало прекрасный образ абсолютно бескорыстного человека. Конечно, для

ма?» — «Опять небось жалуется кто-то? Тут уж прохожих всяких много было. Пройдет, а потом письмом напишет!»

Мне все больше казалось, что грань, разделявшая мир, созданный воображением, когда я писал пьесу, и реальный мир, в котором я находился теперь, исчезает, теряется.

«Фатхуллы-абзый, к тебе пришли! — наклонившись к уху старика, прокричала женщина-татарка. — Комиссия!»

Так я познакомился с реальным Магфуром. Совпадения с выдуманным персонажем были и в самом деле поразительные. Вся разница: Магфур, герой пьесы, был заводской человек, а Фатхуллы Шабанов, человек реальный — из рода хлебопашцев и сам хлебопашец. Но и тот, и другой сошлись в одном, в действии: «Хочу, чтобы земля садом стала...»

СИДЯ на скамейке в саду, Шабанов рассказывал о себе: «Восемнадцатого июля сорок первого я попал на фронт. Сначала в связи работал, потом дали семь повозок, в хозроте работал. В сорок втором ранило, восемь месяцев лежал. Отлежался, в сорок третьем и сорок четвертом опять фронт. Под Гомелем дела были. Мешок на земле валяется с зерном. Думаю: что добро пропадает, в хозроте пригодится. Взялся за мешок, а тут выстрел. Оказывается, фашист мешок под твердым прицелом держал. Опять девять месяцев госпитали. Потом здоровый стал, до конца уже на войну не работал. Всю Европу прошел».

С тридцать шестого по сорок первый, а потом с сорок шестого по пятьдесят второй он председательствовал в родной деревне, что лежит неподалеку от Казани. С пятьдесят шестого по шестьдесят первый там же представлял местную власть в сельсовете. Был также кассиром-счетоводом, бухгалтером, заведующим хозмагом, бригадиром строителей. Растил хлеб для людей. Строил дома. Ничего не нажил, никакого богатства. Я был у него дома — одна комнатка в двухкомнатной квартире, живет вдвоем с женой, за стеной — соседка. Обыкновенная жизнь, наполненная трудом. Но трудом не ради собственной утехы — есть в этом труде какой-то свой, потаенный, бытовоей смысл.

Уже «на финишной прямой» — мысль о саде на пустыре. Заходи, прохожий, сядь, если устал, дыши, смотри в небо. Может, доброе чувство придет тебе в душу, да так и останется в ней? И душа родит что-то необыкновенное, прекрасное? Велики ли пенсионные деньги и так ли легко найти в них излишек? Но каждый месяц излишек находился — шел то на новую скамейку, то на новые саженцы. Но любое красивое дело — это всегда еще

и борьба со всякого рода дураками, которые по причине бескорыстности твоих действий именно тебя почитают за подозрительного субъекта...

Об этой стороне жизни Фатхуллы Шабанов, сидя на скамейке, говорил мне так: «Мусор был, плиты, песок. Трава не росла. Торф привез, чернозем, разбил сад. Одна женщина со второго этажа стала сердиться. Жалобы всюду дала — туда, сюда! Кто только не приходил! Участковый инспектор пришел: «Ты Шабанов?» — «Я Шабанов...» «Почему ты беседку сделал?» — «Журналы лежат, люди читают, инвентарь, от дождя...» — «Ломай!» — «Нет, не буду ломать...» — «Как же ты имеешь право? Кто разрешил? Домоуправление разрешило? Райисполком разрешил? Ломай!» — «Сам ломай, а я потом опять все посажу...» — «Ах, вот как! Не подчиняться? Ломай лучше!» Я ветеран войны и труда, почтенная грамоты имею, шесть наград имею, ничего в жизни не ломал, только сажал, говорю, плюнул под ноги и в исполком пошел. На другой день два начальника милиции в саду стоят. «Что, — говорю, — ломать приехали?» «Зачем ломать? Молодец», — говорят. «Молодец молодцом, — говорю, — а вот участковый привязывается». «А мы его попросим, — говорят, — чтобы не придирался».

«И что же? — спрашиваю уже я. — Больше не привязывался?» «Честь теперь мне отдаст, на «вы» называет». — «А женщина, которая жалобы писала?» — «А ее кто попросит? Кто ей команду даст? Собственная душа должна попросить. Вот и жду». — «И что, долго надо ждать?» — «Сам интерес имею. Здесь главный труд, — старик смотрел на меня серьезно, спокойно. — Саженцы везде в рост идут. И на земле, и не на земле. В душе. В разные сроки, видать. Поднимется сад. Труд нужен».

Был какой-то момент, когда я внутренне ахнул. Передо мной сидел не старик в старом вельвете, с метлой в набрякших от работы руках, а безвестный утопист и экспериментатор. В своей жизни, в своем индивидуальном труде и индивидуальных отношениях к миру он был уже словно и «родовым человеком», поняв и организовав свои собственные усилия как силы общественные. Мой новый, а теперь уже старый знакомый обнаруживал и раскрывал в своем повседневном труде какую-то уже не только свою, а и общественную сущность. Хотя наверняка просто жил, не думая ни о каких «проблемах своего духовного развития», и был в то же время глубоко духовным человеком.

КОГДА мне становится почему-либо тяжело, я прихожу в сад Фатхуллы, смотрю на его приветствие: «Добрый день, люди! Будьте счастливы!» — и опять начинаю улыбаться жизни.

Одни создают сады, другие — музеи. К этому же типу людей, охваченных какой-то своей идеей, относится Вера Георгиевна Загвозкина, бывшая преподавательница литературы казанской школы № 34. Она создала музей Баратынского, Энтузиазм, любовь к поэту преодолели все. Томик стихов Баратынского она пронесла с собой через всю войну. Может быть, читала его в окопе, а потом, во время налетов, теми же тонкими пальцами она бралась за гашетки своей скорострельной зенитной пушки. Сколько раз смерть обвевала ее лицо...

Сначала музей имел статус школьного. Но какой это был музей! Тысячи экспонатов, масса подлинных вещей эпохи и самого поэта, уникальнейшие раритеты — казалось невероятным, что все это может быть собрано усилиями одного человека. И недаром музей вскоре получил статус государственного.

Подобно тому, как в точке в сжатом, свернутом состоянии находятся и круг, и треугольник, и шар, и прямая линия, и квадрат, то есть разные фигуры одного, двух, трех и зного количества измерений, так и многомерный человек, этот ретранслятор человеческого космоса, все имеет внутри себя, поскольку весь мир «ажат» в него с радостями, горестями и надеждами, поражениями и победами. Этот человек титаническим усилием сорвал с себя оковы субъективности, и его дух равен по мощи и силе бесконечному миру, и потому любой акт его мысли, восприятия, действия есть уже совместное произведение бытия человека и мира.

Я верю в будущность такого типа людей. И моя душа молодеет от радости узнавания, когда я встречаю их в окружающей меня жизни. Эти люди дарят сердцу надежду, а она нужна каждому из нас в повседневной жизни.

КАЗАНЬ